

Уильям Батлер Йейтс

Song: Memory, Hither Come

Memory, hither come,
And tune your merry notes;
And, while upon the wind
Your music floats,

I'll pore upon the stream
Where sighing lovers dream,
And fish for fancies as they pass
Within the watery glass.

I'll drink of the clear stream,
And hear the linnet's song;
And there I'll lie and dream
The day along:

And, when night comes, I'll go
To places fit for woe,
Walking along the darken'd valley
With silent Melancholy.

Песня: Приди, моя память, сюда

Приди, моя память, сюда
И напой свои сладкие песни.
С набегающим ветром когда
Поплывет эта музыка вместе,

Над рекою задумаюсь: там
В бледном зеркале водном мечтам
Предаются влюбленные, ловят
Наважденья и снова уходят.

Я напьюсь из струи, что светла,
И заслушаюсь песней щегла,
И на землю я лягу, мечтая,
День погожий пока не растает.

Только первые звезды взойдут,
В край, что создан для слез и скорбей,
Потемневшей долиной уйду
С Меланхолией тихой моей.

The Smile

There is a Smile of Love
And there is a Smile of Deceit.
And there is a Smile of Smiles
In which these two Smiles meet.

And there is a Frown of Hate
And there is a Frown of Disdain.
And there is a Frown of Frowns
Which you strive to forget in vain.

For it sticks in the Heart deep Core
And it sticks in the deep Back bone
And no Smile that ever was smild
But only one Smile alone.

That betwixt the Cradle and Grave
It only once Smile can be
But when it once is smild
There's an end to all Misery.

Улыбка

Есть Улыбка Любви,
И есть Улыбка Лести.
И есть Улыбка Улыбок,
В ней обе вместе.

И есть Гримаса Зла,
И есть Гримаса Презрения.
И есть Гримаса Гримас,
Ей нет забвенья.

В Позвоночник до самого дна,
В Сердца самую Суть проникает.
Навсегда есть Улыбка одна,
И Улыбки другой не бывает.

Лишь однажды Улыбка придет
От Рождения и до Прощанья.
Но когда ей настанет черед,
То наступит предел и Страданию.

Song

My silks and fine array,
My smiles and languish'd air,
By love are driv'n away;
And mournful lean Despair
Brings me yew to deck my grave;
Such end true lovers have.

His face is fair as heav'n
When springing buds unfold;
O why to him was't giv'n
Whose heart is wintry cold?
His breast is love's all-worshipp'd tomb,
Where all love's pilgrims come.

Bring me an axe and spade,
Bring me a winding sheet;
When I my grave have made
Let winds and tempests beat:
Then down I'll lie as cold as clay.
True love doth pass away!

Песня

Наряды и шелка мои,
Мой смех и напускная томность:
Все стало жертвою любви.
Печальная скупая безысходность
На гроб положит тис в обрядах похоронных;
Таков удел всех истинно влюбленных.

Лицо его — как райский сад,
Когда цветы весною всходят.
Но как случилось, что краса
Дана тому, в чьем сердце зимний холод?
Гробница — грудь его, где молят за любимых,
Куда любви приходят пилигримы.

Пускай мне саван принесут,
Пусть принесут лопату, вилы;
Пусть ветры бушевать начнут,
Когда себе я вырою могилу.
С любовью искренней, оставленная ею,
В могилу лягу, глины холоднее.

I Saw a Chapel

I saw a chapel all of gold
That none did dare to enter in,
And many weeping stood without,
Weeping, mourning, worshipping.

I saw a serpent rise between
The white pillars of the door,
And he forc'd and forc'd and forc'd,
Down the golden hinges tore.

And along the pavement sweet,
Set with pearls and rubies bright,
All his slimy length he drew
Till upon the altar white

Vomiting his poison out
On the bread and on the wine.
So I turn'd into a sty
And laid me down among the swine.

Я Видал Церковь

Я видел церковь золотую,
Никто в нее войти не смел,
Вне стен ее молились люди,
И каждый в трауре скорбел.

Где входа белые колонны,
Змей — я увидал — тело взмыл.
Он петель золотые волны
Броском могучим длил и длил,

И по мозаикам блестящим,
Где жемчуга, рубин, янтарь,
Всем телом слизистым, смердящим
Туда стремился, где алтарь

Был белоснежный. Извергался
Яд и на хлеб, и на вино.
В свиарник снова я подался
И средь свиной лежу давно.

Divine Image

To Mercy, Pity, Peace, and Love,
All pray in their distress,
And to these virtues of delight
Return their thankfulness.

For Mercy, Pity, Peace, and Love,
Is God our Father dear;
And Mercy, Pity, Peace, and Love,
Is man, his child and care.

For Mercy has a human heart;
Pity a human face;
And Love the human form divine;
And Peace the human dress.

Then every man, of every clime,
That prays in his distress,
Prays to the human form divine:
Love, Mercy, Pity, Peace.

And all must love the human form,
In heathen, Turk, or Jew.
Where Mercy, Love, and Pity dwell,
There God is dwelling too.

По образу Божьему

Все молят Жалость, Мир, Любовь
И Милость в час беды,
Признательности люди вновь
К их сущности полны.

Ведь Жалость, Милость, Мир, Любовь —
Благой Отец, наш Бог;
Ведь Жалость, Милость, Мир, Любовь —
Родитель, дети, долг.

Людское тело у Любви,
У Жалости — лицо,
И сердце в Милости стучит,
И в платье Мир людском.

Любовь и Милость, Жалость, Мир,
Но в образе людей
Все будут в час беды молить,
Молясь в земле своей.

И в поверцах лик людской
Всяк должен возлюбить.
Где Жалость, Милость и Любовь
Живут, — там Богу жить.

Ah! Sun-Flower

Ah, Sun-flower! weary of time,
 Who countest the steps of the Sun,
 Seeking after that sweet golden clime
 Where the traveller's journey is done:

Where the Youth pined away with desire
 And the pale Virgin shrouded in snow
 Arise from their graves, and aspire
 Where my Sun-flower wishes to go.

Ах! Подсолнух

Ах, Подсолнух, ты от времени устал.
 Шаг за шагом солнца путь ты исчисляешь;
 Где скитальца ждет пути финал,
 В ту страну златую ты уйти мечтаешь.

Юноша, свою не превозмогший страсть,
 С Девой бледной, что одета в саван снежный,
 Из могил восстали и попасть
 В ту страну благовую полнятся надеждой.

